

А.Б. СОЛОМОНИК

♦

Опыт современной философии познания

♦

Абрам Соломоник

**Опыт современной
философии познания**

«Алетейя»

УДК 165
ББК 87.22

Соломоник А. Б.

Опыт современной философии познания / А. Б. Соломоник —
«Алетейя»,

ISBN 978-5-907115-93-4

Автор книги, изучая семиотику, определил ее предметом семиотическую реальность, которая включает в себя знаки и знаковые системы, придуманные людьми. Семиотическая реальность возникает в процессе познания человеком законов бытия, но очень скоро она приобретает мощный собственный потенциал и свои законы развития, начинающие оказывать на процесс познания не меньшее влияние, нежели реальность онтологического плана. Помимо этого автор выделил еще один пласт реальности – виртуальную, иницирующую когнитивные дополнения и изменения двух предыдущих пластов. Таким образом возникают три слоя реальности, которые регулируются и получают свое значение в метамыслительной деятельности человека и в его активности по внедрению виртуальных идей в жизнь.

УДК 165
ББК 87.22

ISBN 978-5-907115-93-4

© Соломоник А. Б.
© Алетейя

Содержание

Введение	6
Глава 1	9
Глава 2	16
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Абрам Бенцианович Соломоник

Опыт современной философии познания

*Книга посвящается незабвенной памяти моей матери Фрумы
Соломоник*

*Автор выражает сердечную признательность Юрию Вайсу за его замечания, которые
помогли значительно улучшить первоначальный вариант книги*

© А. Б. Соломоник, 2019

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2019

Введение

Современная философия познания находится, по моему убеждению, в глубоком кризисе. Она бесконечно повторяет зады традиционных подходов к познанию, заложенных еще древними греками, и ориентируется на принятую в то же время метафизику. Поэтому она в ряде случаев либо открыто отвергается как профессиональными философами, так и учеными других специальностей, или просто игнорируется. Приведу лишь три примера критического отношения к существующей философии познания. Одно из них принадлежит немецкому философу прошлого столетия Артуру Хюбшеру, второе – выдающемуся ученому нашего времени, недавно скончавшемуся Стивену Хокингу, а третье – известному американскому философу Сьюзен Хаак.

В своей книге Хюбшер пишет: «С готовностью берущаяся за все современные задачи, философия окончательно утратила свою роль царицы наук, верховного судьи и свободной руководительницы исследования. Она ничего не может теперь давать серьезному труду естествоиспытателей. Она истощает себя в подражании Гегелю, в кропотливой и в сущности беспечной возне с понятиями, в тканье паутины все новых категориальных схем, на редкость абстрактных фантазий и конструкций. Страсть к формализму заставляет перекидываться на соседние области; изложение и обоснование метода представляется последней и самой скромной из целей мыслителя. За этим следует уже шаг в двойную область литературы и фельетона.

Предательскую роль играет такое частое соединение мыслителя с писателем. Настолько же предательскую, как и те новые формы, о которых философы нам говорят. К их услугам многообразие форм выражения. Среди философов есть романисты и новеллисты, например Камю, Марсель, Сартр, Сантаяна; драматурги – Камю, Марсель, Сартр; остроумцы – Рассел, Шольц, Уайтхед; эссеисты – Камю, Кроне, Гвардини, Му-нье, Ортега и тот же Сантаяна. Есть и другие, выражающие себя в автобиографическом жанре, – Бердяев, Гельпах, Швейцер, Циглер. Есть и такие, что и в форме, и в материале охотно выходят за строгие границы, излагая свои философские размышления. У Бергсона, Шпенглера, Тойнби, Циглера мы увидели новый опыт многослойной интерпретации, проводимой одновременно в областях биологии, психологии, религии и истории и не боящейся также возвращаться к мифологии. Всё больше заметно, что побудительные импульсы и влияния, воздействующие на философскую мысль, все больше переходят в соседние области психологии, характерологии, социологии, искусства»¹.

Когда я открыл книгу Стивена Хокинга и Леонарда Млодинова «Высший Замысел», я был с первых же строк буквально ошарашен, ибо прочитал там следующее утверждение: «... Традиционно все эти вопросы (о природе бытия – А.С.) касаются философии, но *философия мертва* (курсив мой – АС.). Она не выдержала состязания с наукой, особенно с физикой. Ученые взяли в свои руки факел, освещающий процесс познания. Целью данной книги является предложить объяснение новейшим научным изысканиям, осветить их теоретическое значение. Они предлагают совершенно иную картину вселенной и нашего в ней места, картину, отличную от традиционной, даже от той, которая нам являлась пару десятков лет тому назад...»²

Я был обескуражен словами о том, что на сегодняшний день «*философия мертва*». Один из ведущих физиков планеты, выдающийся проповедник и провозвестник научных открытий

---

¹ Хюбшер Артур. *Не стала ли философия излишней?* В книге «Мыслители нашего времени (62 портрета)». М., Изд-во ЦТР МГП ВОС, 1994, с. 49–50.

² Hawking S. & Mlodinow L. *The Grand Design*. London, Bantam Books, 2001, p. 13: «Traditionally these are questions for philosophy, but philosophy is dead. Philosophy has not kept up with modern developments in science, particularly physics. Scientists have become the bearers of the torch of discovery in our quest for knowledge. The purpose of this book is to give the answers that are suggested by recent discoveries and theoretical advances. They lead us to a new picture of the universe and our place in it that is very different from the traditional one, and different even from the picture we might have painted just a decade or two ago».

последних десятилетий, заявляет, что сегодняшняя философия никак не помогает ему толковать новейшие данные об устройстве вселенной и о роли человека в общей картине мира. В конце концов, философией занимались люди несколько тысяч лет, да и сегодня еще масса людей претендуют на исполнение принятого ими на себя философского долга в объяснении новейших научных достижений. Но, поразмыслив, я понял, что со своей колокольни авторы книги в определенной мере правы – физикам и представителям прочих точных наук прежние философские представления не ко двору. Они им попросту не нужны, ибо выводы ученых и существующие философские постулаты в очень малой мере совпадают между собой: они как бы идут параллельным ходом, не пересекаясь друг с другом. Чаще всего философы просто берут новейшие достижения ученых и пытаются приспособить их *post factum* к существующим философским построениям. Что может дать такой подход для стимулирования новых открытий? Да и нужен ли он для науки, которая в основном питается своими внутренними источниками, своими же новейшими открытиями и их внедрением в практическую жизнь?

Однако вывод о том, что носителем философского знания становятся исключительно сами ученые *в рамках их конкретной науки*, меня не устраивает. Из него следует, что физики дадут картину мира в свете выведенных ими постулатов, биологи представят нам свою трактовку, ученые иных специальностей добавляют к этому дополнительные оттенки и т. д. Как обобщить такие различные точки зрения и такое лоскутное знание в общую для всех людей картину существующего мира? Мы просто получим разнообразные блюда, которые будет невозможно свести в единое полезное и удобоваримое целое. И, опять-таки, вся философия останется простым толкователем уже полученных результатов, но никак не заранее продуманным меню с соответствующими критериями отбора блюд.

Философия, к счастью, никуда не скрылась и не исчезла. Ярким тому доказательством является та самая книга Хокинга и Млодинова, которую я процитировал выше. Она в той же мере принадлежит как физике, так и философии; просто она толкует новейшие достижения физики, пытаясь придать им общеполитический характер. Фактически, авторы пытаются создать современную философию вместо старой, которая их не устраивает, но делают это исключительно на материале физики и примыкающих к ней наук. Такой подход кажется мне недостаточным и не покрывающим те философские откровения, к которым можно прийти, ориентируясь на *общенаучный подход в оформлении современной философии, строящийся не только на выводах конкретных наук*. Не отрицая важность новых физических результатов, включающих достижения космологии и некоторых иных наук, я полагаю, что, ориентируясь только на них, мы не сможем сформулировать необходимые философские обобщения, касающиеся человеческого бытия в целом. Для этого требуется создать философию нового типа, базирующуюся на иных, чем прежде, постулатах.

Кстати, такой же точки зрения придерживаются и некоторые современные профессиональные философы. В подтверждение своих слов я могу сослаться на длительную кампанию, которую ведет ради, так сказать, «спасения философии от ее окончательного исчезновения с научной арены» философ из Майами Сьюзен Хаак³. В своей недавней статье «*Подлинная проблема: может ли философия быть спасена?*» она пишет: «Да, что-то прогнило в самой сути философии. Согласно замечанию моего коллеги: “Наша профессия пребывает в быстром падении (в штопоре)”». На вопрос “Как долго это падение может продолжаться?” ответ был: “До самого неба”»⁴.

Причиной неблагополучия Хаак считает следующее: «Одна из причин – это стремление руководителей университетов к раздуванию бюрократического аппарата, который все больше

³ Susan Haack (born 1945) is Distinguished Professor in the Humanities, Cooper Senior Scholar in Arts and Sciences, Professor of Philosophy, and Professor of Law at the University of Miami.

⁴ Haack Susan. *The Real Question: Can Philosophy Be Saved?* At <http://againstprofphil.org/susan-haacks-the-real-question-can-philosophy-be-saved/>

требует практических выходов для научных трудов, ориентирующихся на выбивание грантов, вымалываемых далеко не только интеллектуально изложенными доводами, но соображениями престижа и прочими не относящимися к исследованию причинами. Все сильнее сказываются изменения, произошедшие в издании научных трудов: возросший в них акцент на отвлекающие от дела, но необходимые для публикации издательские параметры оформления текстов, изматывающие авторов своими различными деталями, которые, якобы, совершенно необходимы, чтобы “рукопись продать”. В результате мы получаем абсолютно выжатую и бледную академическую прозу, бесконечное рецензирование представленных текстов, которые становятся все более каноническими и повторяющимися до степени плагиата»⁵.

Хаак приводит еще много иных важных причин снижающейся популярности сегодняшней философии, но она также останавливается и на призывах заменить философию простыми выводами из достижений натурфилософских научных дисциплин: «Я также не верю, что мы можем просто передать разрешение философских проблем иным, нежели философия, наукам. Не верю я и заверениям, что только результаты этих наук делают любые наши утверждения легитимными»⁶.

Книга, которую вы читаете, посвящена созданию новой по форме и содержанию философии познания. После занятий семиотикой в течение нескольких десятков лет я решил внести свой вклад в дело построения современной философии познания, существенно отличающейся от прежней (подчеркну, что я касаюсь лишь проблем философии познания – гносеологии), К тому же я собираюсь построить философию познания, которая была бы не только толкователем уже достигнутых результатов в различных науках, но давала бы исходные импульсы для организации вновь предпринимаемых исследований в любой отрасли науки, а не только в физике либо иной области знания.

Я готовился к этой книге очень давно. Вначале появилась классификация знаков и знаковых систем, положившая начало новой версии семиотики. Потом – осознание того, что все знаки и их системы объединяются в особый слой реальности, существующей совместно с онтологической реальностью, но развивающейся по своим законам. К ним примкнула и мыслительная (виртуальная) реальность – диспетчер и регулятор двух прежде упомянутых слоев. Затем пришли идеи о том, как это происходит: о метамыслии, человеко-знаковом интерфейсе и многом другом, о чем пойдет речь ниже. Так продолжалось более тридцати лет, пока не наступила пора завершить и предъявить итоговый документ – он перед вами.

Наряду с содержательной новизной книги мне хочется подчеркнуть и стиль изложения обсуждаемых в ней проблем. Книга написана в популярном формате и обращена к непрофессиональной по отношению к философии публике. Хотя речь пойдет об очень серьезных вопросах, касающихся самих основ нашего существования, она должна быть понятной для обычной и далекой от обсуждения философских проблем аудитории. Я постараюсь писать ясно, кратко и понятно, что не является синонимом упрощенной трактовки темы обсуждения. Читатель может быть некомпетентен в философии, но достаточно заинтересован, чтобы понять, о чем идет речь, и попытаться проникнуть в суть дела. Имея в виду сказанное, я приступаю к обсуждению интересующих нас вопросов по существу.

⁵ Ibid: «How did this happen? Some of the problems are the result of changes in the management of universities affecting the whole academy: the burgeoning bureaucracy, the ever-increasing stress on “productivity”, the ever-spreading culture of grants-and-research-projects, the ever-growing reliance on hopelessly flawed surrogate measures of the quality of intellectual work, the obsession with “prestige”, and so on. And some of the problems are the result of changes in academic publishing: the ever-more-extensive reach of enormous, predatory presses that treat authors as fungible content-providers whose rights in their work they can gobble up and sell on, the ever-increasing intrusiveness of copy-editors dedicated to ensuring that everyone write the same deadly, deadpan academic prose, the endless demands of a time- and energy-wasting peer-review process by now not only relentlessly conventional but also, sometimes, outright corrupt, and so forth».

⁶ Ibid: «I don’t believe *either* that we can simply hand philosophical questions over to the sciences to resolve, *or* that only questions resolvable by the sciences are legitimate».

Глава 1

Как я определяю, что такое философия

Под *философией* я понимаю рассуждения (дискурс) по поводу основных параметров некоей научной проблемы, выраженные логично и с убедительной аргументацией. Проблема может быть центральной для человеческого бытия либо второстепенной (скажем, полезно ли мыть ноги перед сном) – это неважно. Важно, чтобы она была правильно поставлена и логически обоснованно аргументирована. Таким образом, в моем понимании философии делается упор не на важность обсуждаемой темы, но на характер обсуждения – то ли это случайно брошенное замечание по незначительному для говорящего (пишущего) поводу, то ли развернутая и убедительная презентация предмета обсуждения. В последнем случае, по-моему, можно говорить о философском подходе к затронутой теме и о философствовании вообще.

Философия имеет место и тогда, когда высказываются не только правильные и научно подтвержденные взгляды (хотя они, разумеется, предпочтительнее), но всегда, когда рассуждение представляет законченную и убедительно фундированную позицию что-либо утверждающего человека, основанное на так называемом *здравом смысле*. Большинство рассуждений такого рода не заканчивается практически значимым результатом, тем не менее, и они принадлежат философии.

Таким образом, мое понимание философии полностью совпадает с тем смыслом понятия «*философия*», которое ему придавали древние греки, придумавшие это слово. *Phileo* (люблю) + *sophia* (мудрость) просто означали отвращение к пустому разговору и необходимость для интеллигентного человека обращаться к аргументированному обсуждению, используя подходящие для этого доводы. С позиций сегодняшнего знания, накопленного человечеством, воззрения и доводы древних греков кажутся нам иногда наивными, а то и нелепыми, но с позиций того уровня знаний, который был достигнут в их время, они, конечно же, принадлежат философии. Стремление древних греков серьезно обсуждать любые проблемы бытия отличало их от других народов того времени и обеспечило им место в пантеоне человеческой мудрости. Оно также будировало интерес к такого рода рассуждениям на протяжении всей дальнейшей истории цивилизации, отчего философия прочно занимала столь почетное место среди изучаемых дисциплин – как в любительских диспутах, так и в ходе профессиональных занятий.

Но так продолжалось лишь до того времени, пока аргументы могли оставаться не обязательно научно подтвержденными, но достаточно убедительными для утверждения того или иного тезиса. Когда тот же самый тезис получал, наконец, научное объяснение, философия была вынуждена отступать, оставляя пространство соответствующей науке. Постепенно философия отступила далеко на периферию от объяснения центральных вопросов в той или иной области знаний, а сейчас наступило время, когда в достаточно продвинутых науках и вовсе пропал интерес к проблемам общей философии. Значит ли это, что философия должна вовсе исчезнуть, вытесненная с научной арены достижениями конкретных наук?

С моей точки зрения – вовсе нет. И это по двум обстоятельствам: а) потому что, хотя в отдельных науках ее шагреновая кожа уменьшается, но на повестку дня обязательно выдвигаются новые проблемы, которые до получения их окончательной научной трактовки должны довольствоваться философскими объяснениями (и так будет всегда); б) возможно модернизировать старые философские постулаты, сделав их актуальными для нашего времени (настоящая книга как раз посвящена этому аспекту вопроса).

Проиллюстрируем сказанное некоторыми примерами, во-первых, по поводу необходимости философии в развитии конкретных наук.

Остановимся сперва на Страбоне (ок. 64/63 до н. э. – ок. 23/24 н. э.), авторе почти полностью сохранившейся «Географии» в 17 книгах, которая служит лучшим источником для изучения географии древнего мира. Вот как он представлял себе известное в его время пространство Земли, которое тогда называлось *ойкуменой*:

«...прежде всего я скажу, что мы и наши предшественники (один из которых был Гиппарх) были правы, считая Гомера основоположником науки географии. Ведь Гомер превзошел всех людей древнего и нового времени не только высоким достоинством своей поэзии, но, как я думаю, и знанием условий общественной жизни. В силу этого он не только заботился об изображении событий, но, чтобы узнать как можно больше фактов и рассказать о них потомкам, стремился познакомить их с географией как отдельных стран, так и всего обитаемого мира, как земли, так и моря. В противном случае он не мог бы достичь крайних пределов обитаемого мира, обойдя его целиком в своем описании. <...>

О том, что обитаемый мир является островом, можно заключить из показаний наших чувств и из опыта. Ведь повсюду, где только человек может достичь пределов земли, находится море, и это море мы называем Океаном. <...> Например, восточную часть обитаемого мира (индийскую) и западную (иберийскую и маврусийскую) можно целиком обогнуть и продолжить путешествие на далекое расстояние по северной и восточной областям. <...> Гомер знает и точно описывает самые отдаленные части обитаемого мира и то, что окружает его; совершенно так же он знаком и с областями Средиземного моря...»⁷

Из приведенного отрывка становится ясно, что древние греки и римляне знали лишь небольшую часть нашей планеты. Их ойкумена включала ареал Средиземного моря и примыкающую к нему с севера Европу, а с востока некоторые земли до Индии. Они считали ойкумену круглой и окруженной водой, которую обозначали как Океан. Источником своих умозаключений Страбон называет «показания наших чувств и опыт», что являлось чрезвычайно прогрессивным для того времени, но, поскольку этот опыт простирался лишь на малую часть планеты, остальное было отдано на откуп воображению и являлось проекцией уже известных географических фактов. Таким образом, центральную часть «Географии» составляло более или менее аутентичное описание известной грекам и римлянам территории, а все остальное было экстраполяцией уже известных данных на еще неисследованные земли, которые трактовались как естественное продолжение, аналогичное уже знакомому материалу.

Вся последующая география представляла собой изучение ранее не известных европейцам территорий, описание, в котором прежние умозаключения постепенно уступали место вновь установленным данным. Так продолжалось до нашего времени, когда планета оказалась досконально изученной и где не осталось места для прежней географической философии. Однако на смену ей пришли новые неисследованные области (и, прежде всего, космические пространства), которые еще предстоит освоить и изучить. Сегодня по этому поводу имеется немало философских рассуждений, не подкрепленных опытом; их-то и предстоит заменить в будущем твердыми знаниями. Но тогда возникнут новые философские проблемы – и так до бесконечности, просто потому, что наше мироздание не имеет границ.

Следующий пример касается представлений о строении материи и о самой маленькой частице всего сущего. Как известно, по этому поводу высказывался Демокрит, который ввел понятие *атом*, что означает по-гречески «неделимый» (т. е. не поддающийся дальнейшему делению). «У Демокрита атом – это обязательно неделимая маленькая частица вещества, которая в силу своей неделимости вечна. Единственное свойство атома – всегда быть: ведь ему не на что распасться. Поэтому атомы, по Демокриту, и являются первоначалом, мировой основой, подлинной реальностью. Однако вследствие малых размеров мы не можем их увидеть.

⁷ Текст приводится по изданию: Страбон. ГЕОГРАФИЯ в 17 книгах. Репринтное воспроизведение текста издания 1964 г. М.: «Ладомир», 1994. В: <http://ancientrome.ru/antlittr/t.htm?a=i260oioooo> (июнь 2018).

Откуда же известно об их существовании? – Благодаря мысли. Видим же мы то, что из множества атомов состоит, то есть вещи»⁸.

Поскольку атомы невидимы, потому что очень малы, они все же материальны, и на этом основании представители советской марксистско-ленинской идеологии объявили Демокрита отцом материализма, который противостоит идеалистической философии. На самом деле это неверно, потому что атомы в учении Демокрита воплощали *идею первоначала*. Эта идея была чуть ли не ведущей в древнегреческой натурфилософии – *существует первоначало, которое лежит в основе всего сущего*. У Фалеса таким первоначалом была вода, у Анаксимена – воздух, у Анаксимандра – бесконечное вещество (апейрон), у Пифагора – число, у Гераклита – мировой закон (Логос). У Демокрита, по аналогии с названными философами, это невидимые атомы, которые крутятся в пустоте, сталкиваются и образуют все видимое, что есть на земле, – типичное идеалистическое построение чисто механистического характера.

Как показала последующая наука, атомы отнюдь не неделимы и не являются частичкой, универсальной для всех прочих вещей. Пришло научное их описание, и сугубо теоретическое построение Демокрита приказало долго жить. Это отнюдь не означает, что философия по данному вопросу завершила свое существование. На основе изучения атомов и входящих в него частиц возникла новая философия построения и функционирования микрочастиц, квантовая механика, которая изменила наши представления о мире и заменила прежние механистические идеи древних на современное описание мироустройства. Полагаю, что для философии познания типична такая «судьба Феникса» и что она будет постоянно сопровождать развитие научной мысли. То есть, философские построения будут постоянно проверяться новыми исследованиями и либо подтверждаться, либо опровергаться. В последнем случае прежние утверждения будут отброшены, а на их место встанут новые философские начала.

В продолжение нашего обсуждения можно было бы привести много иных примеров, скажем, первую теорию болезней (гуморальную), выведенную древними греками и основанную на балансе жидкостей в человеческом организме. Эта теория просуществовала более тысячи лет и являлась теоретическим обоснованием практической медицины во многих странах Европы. На самом деле вся эта теория и опиравшаяся на нее практика не имели никакого реального основания и сегодня она упоминается только как курьезный исторический эпизод. Все эти и подобные им факты обнаруживают одинаковое содержание соответствующего этапа развития философии познания в Древней Греции: оно уже не религиозное, но еще и не научное в нынешнем понимании этого слова. Все они – проявление нового этапа развития теории познания, который был назван Огюстом Контом (1798–1857) *метафизическим*⁹. Этот этап уже не покоился на религиозных догматах, но еще не был ориентирован целиком на сугубо объективное содержание предмета изучения, *выявленное научными способами*. Это – переходная ступень между *мифологической (религиозной)* стадией получения знаний и *научным к нему подходом*. Конт писал по поводу этой стадии познания: «Нужно заметить, что в метафизической стадии умозрительная часть оказывается сначала чрезвычайно преувеличенной вследствие упорного стремления аргументировать вместо того, чтобы наблюдать...».

Она, эта стадия, опирается на чистое теоретизирование, по аналогии выводимое из обычно наблюдаемых вещей методом простой индукции: вы видите то-то и то-то, стало быть, и в нашем случае происходит то же самое. Мышление по аналогии необходимо для нормального человеческого поведения, но дело в том, что сама аналогия в определении природных законов была для древних греков максимально ограниченной и давала чрезвычайно мало шансов прийти к правильным выводам. Они попросту очень мало знали: в случае с географией знания простирались на небольшую территорию их обитания, а в случае с гуморальной теорией

⁸ В: <http://eurasialand.ru/txt/gusev/15.htm> (июнь 2018)

⁹ В: <http://rushist.com/index.php/philosophical-articles/2930-filosofiya-ogyusta-konta-kratko> (июнь 2018).

болезней они и вовсе опирались на сплошные догадки, поскольку строение человеческого тела и законы его функционирования были недостаточно изучены. Поэтому я называю ход их мышления простым *механистическим переносом* известных на глазок событий на новые области исследования. Такой ход рассуждений часто господствует в повседневной практике общения, но абсолютно не годится в науке; освободиться от него было задачей ученых при переходе на действительно научные способы получения знаний.

Позволю себе привести в качестве конкретного примера древнегреческого философствования выдержку из труда Плутарха (ок. 46 года н. э. – ок. 127 г.), названного «Почти все про Луну» или «О лике, видимом на диске Луны».¹⁰ Сулла – один из участников беседы, но большая часть размышлений принадлежит автору эссе:

«“Это подходит и к моему сказанию, – заметил Сулла, – и из него заимствовано. Но, конечно, если у вас есть что добавить к этим, всем доступным и всеми рассказываемым мнениям о лице луны, то полагаю, я выслушаю это с удовольствием и немедленно”. “Отчего не добавить, – отвечал я, – когда невразумительность этих мнений заставила нас обратиться к древним? Ведь как при длительных болезнях люди, отказавшись от обыкновенных лекарств и привычного образа жизни, обращаются к очистительным обрядам, талисманам и сновидениям, так и в трудноразрешимых, не предоставляющих исхода изысканиях, когда общепринятые, общеизвестные, обычные доводы не кажутся убедительными, необходимо испытывать новые способы, не смотреть на них свысока, а просто брать старое и всячески доискиваться истины.

Например, ты, конечно, сразу видишь, что нелепо утверждение, будто видимый на луне образ есть следствие болезненного состояния зрения, не выносящего по слабости [ее] блеска, которое мы называем ослеплением. Здесь не принимается во внимание то, что такое явление должно бы было происходить скорее от солнца, которое остро и жгуче (так, Эмпедокл хорошо указывает на различие обоих светил: “Острострелое солнце и кроткая луна”, назвав действие луны кротким и безболезненным). Кроме того, это не объясняет, почему те, кто имеет плохое и слабое зрение, не замечают на луне никакого разнообразия фигуры, и луна сияет для них, как гладкий и полный диск; а напротив, те, кто обладает сильным и острым зрением, лучше различают подробности, разбирают черты лица и яснее схватывают разнообразие. Следовало бы, полагаю, наоборот, видимому образу быть резче там, где поражение сильнее, если только явление было болезненным состоянием глаза. Против этого говорит и неровность [освещения]: лик представляет не сплошную, слитную тень, но, как метко выразился Агесианакт:

Вся [луна] по окружности сияет огнем, а посредине
Виднеется как бы глаз девушки, темно-синий,
И гладкое чело; что вполне походит на лицо.

И действительно, идущие кругом теневые пространства подлежат под светлые и, наоборот, последние теснятся к первым, даже будучи от них отрезаны, и вообще переплетаются одни с другими так, что является подобие рисованной картины. Это обстоятельство Аристотель, по-видимому, не без основания выставляет против вашего Клеарха. Ведь Клеарх “ваш”, поскольку он был приятелем древнего Аристотеля, хотя и извратил многие положения перипатетиков».

Понадобился труд сотен гениальных умов, чтобы освободиться от такого примитивного подхода, чтобы полностью перейти на «позитивные» (по определению Конта) экспериментальные исследования в конкретных науках. Лишь они могут дать объективную картину того, что лежит в основе той или иной науки.

¹⁰ В: <http://selena-luna.ru/knigi-j-like-vidimom-na-diske-luny> (апрель 2017).

Такова философская начинка любой конкретной науки, которая в своем развитии вынуждена подпитываться философскими доводами. В любой стадии исследования мы не можем знать всего об изучаемом предмете, и тогда эти лакуны мы закрываем философскими рассуждениями. Философская подпитка будет необходима на любом этапе научного прогресса; *но она – лишь одна из философских ипостасей научной деятельности* и проявляется она в каждой отдельной науке по-своему. В математике возникла теория множеств и трансфинитных чисел Георга Кантора (1845–1918) и поначалу она не вписывалась в систему прежних математических взглядов. Против нее выступила серьезная оппозиция, которая в конечном счете не сработала, и теория Кантора отвоевала себе место в стандартной модели современной математики. Соответственно изменились и некоторые философские построения, касавшиеся чисто математических проблем.

В биологии появилась теория Дарвина (1809–1882), которая полностью изменила весь философский пейзаж данной и примыкающих к ней наук. Но только *данной и примыкающих к ней наук*, поэтому я называю эту ипостась философии *частной философией познания*, относящейся к ограниченному кругу научных исследований.

Наряду с такого рода философией существует и *общая философия познания*. Она касается рамочных конструкций *любого* познания и выделяет его составные части в цельной и законченной конструкции. Предметом данной книги будут как раз проблемы *общей теории познания*. Опыт построения общей теории из ее отдельных приложений является повсеместно распространенным, это – обычная процедура научного познания. Существовали, например, различные проявления электричества, – они исследовались и были выведены основные закономерности этого явления вообще (Фарадей, Джеймс Максвелл). Или: в мире имеется несколько тысяч естественных языков и нет единого языка для всех. Но, исследуя характеристики существующих языков и наречий, можно вывести основные закономерности гипотетического единого языка и, выбрав наиболее перспективные из них, попытаться построить искусственный язык, который мог бы служить всем. Такую попытку сделал Лазарь Заменгоф (1859–1917), и появился эсперанто – весьма удачный и компактный язык, легкий для изучения.

В моем научном багаже тоже имеется опыт подобного рода: из частных семиотик (знаков в отдельных науках и в профессиональных занятиях) я вывел теоретические истоки для построения «общей семиотики»¹¹, что и считаю своим главным научным достижением. Нечто подобное я хочу сделать и для общей философии познания, но с одним существенным дополнением. Я не собираюсь создавать заново философию познания *ab initio* (с самого начала), как в случае написания общей семиотики, поскольку философия познания в своем исходном варианте уже имеется и хорошо известна. Но она используется исключительно в своем первозданном виде, что я считаю неправильным и устаревшим (именно это обстоятельство является главной причиной непопулярности философии в современном научном сообществе). Поэтому своей задачей я вижу не создание философской теории познания от нуля, но модернизацию старого варианта для новых условий научного поиска, появившихся и существующих уже несколько столетий.

Начала общей теории познания заложили опять-таки древние греки. Они появились в работах Платона, Аристотеля и других философов, многократно обсуждались в научных трудах на протяжении веков и остались незыблемыми в своих основах до нашего времени. Платон впервые провозгласил, что при создании нового знания нельзя опираться только на очевидные, наблюдаемые факты; последние должны подвергаться обобщениям и трактоваться как общее правило. Лишь в этом случае мы сможем предсказать события, которых еще не было. Их не было, но мы уже можем указать на них как на общую схему изучаемых явлений. И тут у Пла-

¹¹ Solomonick Abraham. *A Theory of General Semiotics*. Cambridge Scholars Publishing, 2015.

тона сработало общее для древнегреческой философии механистическое мышление, заставившие его сделать эти идеи существующими реально.

И как Демокрит по отношению к атомам, Платон говорил о своих идеях как о прообразах всего существующего и даже указывал, что они собраны в одном месте над небесами, которое называется Гиперуранией. «Платон полагает, что путем диалектики мыслящий дух восходит к “идеям”, вечным первообразам существующего. Мир идей, по *учению* Платона, существует самостоятельно, отдельно от мира вещей и от человеческих мыслей. Их существование – вечное спокойствие. Мир идей пребывает в особой области пространства, отдельной от чувственного мира, сверхчувственной»¹².

Когда человек умирает, его душа покидает мертвое тело и отправляется путешествовать по небесам. Там она посещает Гиперурацию и знакомится с бессмертными идеями всех вещей. Получив новую бrenную оболочку, душа руководит пополнением нашего умственного багажа: вспоминая бессмертную идею, она наделяет ею окружающие предметы и события, с которыми сталкивается человек. Отсюда, мол, и появляются аналогичные предметы и явления, похожие на все остальные, – такие же и выполняющие те же функции. Красиво и логично, но как далеко от действительности! Однако же это учение дало начало всей философии познания, оно продолжает древнюю философскую традицию и существует без особых коррективов с того времени до сих пор. Традиционно считается, что оно породило ту ветвь философии, которая была названа *идеализмом*.

Нравы в то время были достаточно толерантными, и многие философы, современники Платона или жившие после него, позволяли себе с ним не согласиться. Так, например, Эпикур (342/341 г. до и. э. – 271/270 г. до и. э.) видел познание нового совершенно в ином виде: «Главный и первичный критерий истины Эпикур видел в непосредственно данных нам ощущениях. Здесь Эпикур вполне определен. Так, в письме к Геродоту (имеется в виду один из его учеников, а не “отец истории”, который был старше Эпикура на полтора столетия. – А. С.) он настаивал на том, что “мы должны во всем держаться ощущений”. Эпикур позволяет себе не согласиться ни с Платоном, ни с Аристотелем в том, что они видели в разуме другой, чем ощущение, главный источник наших знаний о мире. Такого второго источника знаний человека о мире и о самом себе у Эпикура нет. <...>...все критерии знания, кроме ощущений, у Эпикура вторичны. Старое знание предвосхищает не ощущения, не опыт вообще, а лишь новый опыт, позволяя лучше ориентироваться в окружающем нас мире, узнавать сходные и различные между собой предметы... Так, якобы “предвосхищаемым” ощущениям знанием является знание, которое уже некогда получено нами из прежних ощущений... “Знать заранее” не означает, как у Платона, что сравнение двух предметов, например, по длине, предполагает наличие сверхопытной идеи равенства. Предвосхищение – оттиск, предварением которого были также ощущения»¹³.

Эта позиция Эпикура превратилась впоследствии в *материализм*, и во всей будущей философии появилась рамочная конструкция, которая включала философию познания в жесткую схему. Существует материальная основа, которая противостоит ее идеальному отображению в нашем уме. Для приверженцев идеализма идея (мысль) является решающей и руководящей; для последователей материалистической доктрины первична материя, которая изначальна и полностью подчиняет себе отражение материи в мозгу. В своем крайнем выражении этот тезис приобретает черты религиозного поклонения: «материя первична, мысль вторична» или «бытие определяет сознание». А иной раз она даже перерастает в брутально идеологический лозунг вроде «кто не с нами, тот против нас».

¹² В: <http://mshist.com/index.php/philosophical-articles/2214-mir-idej-i-mir-veshchej-u-platona> (июнь 2018).

¹³ Чанышев А.Н. *Курс лекций по древней и средневековой философии*. Москва, «Высшая школа», 1991, с. 80–81.

Спешу заверить читателей, что я никоим образом не возражаю против самой оппозиции материальное vs. идеального. Эта связка действительно существует, и она определяет содержание человеческого бытия. Я возражаю лишь против наивного толкования такого рода оппозиции, против рассмотрения ее как враждующих между собой начал, и еще против примитивного для нашего времени понимания материального мира как единой и нераздельной сущности. Ибо со времен древнегреческой цивилизации прошло более двух тысяч лет, и продолжать рассматривать материальный мир как единый и нерасторжимый оказывается для сегодняшней философии познания смертельным приговором. Что я имею в виду, вы поймете из дальнейшего изложения.

Глава 2

Что такое онтологическая реальность? Как она возникла и развивалась

Естественным образом анализ *онтологической реальности* (то есть нашего материального окружения и нас самих) составляет первый и главный этап настоящего исследования. Ни один живой организм, даже наиболее простой и малоразвитый, не может остаться безучастным к окружающей его действительности. Любопытный эксперимент был поставлен американским биологом Смитом: «В узенькую пробирку с микроскопическим сечением помещалась туфелька (вид одноклеточных). Сечение трубки было так мало, что для того, чтобы выйти из трубки в направлении действия биотического агента (света), туфельке нужно было перевернуться, ударяясь о стенки трубки. В начале эксперимента на этот поворот у туфельки уходило 3–5 минут, однако если такие эксперименты повторялись много раз в течение 10–12 часов, поворот начинал выполняться много быстрее, и под конец для него требовалось всего 1–2 секунды. Таким образом, под влиянием новых условий вырабатывался новый “навык”, который протекал в 180–200 раз быстрее, чем первоначальная реакция»¹⁴.

И это у одноклеточного организма, у которого даже нет нервной системы и который откликается на внешние раздражения всей своей протоплазмой. Создание и усложнение нервной системы способствовало ускорению и кардинальному улучшению всех реакций организма на внешние раздражители. Этот процесс получил у человека наилучшее устройство и завершился способностью к направленному наблюдению и анализу приходящих извне впечатлений. Более того, мы давно уже перешли от пассивного наблюдения и восприятия к созданию специальных для этого условий, то есть к эксперименту. Видимо, живые организмы можно отделить от неживых именно по критерию отклика на раздражители, приходящие извне: у неживой материи он отсутствует; у живых, начиная с растений, – наличествует. Постепенно способность людей к наблюдению и анализу постигаемых фактов перерастает в организованный процесс изучения и познания, справедливо считающийся нашим главным достоянием.

Выше я писал о том, что любой народ, племя, нация стремились объяснить, каким образом появилась и развивалась та вселенная, в которой они очутились и проживают. Вот некоторые мифы по этому поводу, позаимствованные из обобщающей работы С. В. Морозова, который свел их вместе для сравнения и презентации¹⁵.

«В древнем Египте считали, что Земля – это прямоугольная долина, посреди которой протекает Нил. Долину окружают горы. Там течет Небесный Нил, а по нему плавают челн бога Солнца. Плоское железное небо держится на четырех столбах».

«В Древнем Вавилоне (около 1500 г. до н. э.) Земля представлялась в виде выпуклого острова, плавающего в мировом океане. На земную поверхность опускается небо – твердый каменный свод, к которому прикреплены звезды, планеты, по нему двигаются Солнце и Луна. Утром Солнце восходит на небо через одни ворота, а вечером опускается через другие. Небо отделяет нижние воды, то есть океан, окружающий землю, от верхних, дождевых. Самое небо состоит из трех этажей. Там живут боги. Из трех слоев состоит и Земля. На верхнем – люди, в среднем – бог моря и мудрости Эа, в нижнем – царство мертвых. Вследствие битвы между богами тело богини Тиамат разделяется на две части, и из них создаются небо и земля. На небе укреплены Солнце, Луна, планеты, звезды».

---

¹⁴ Лурия А.Р. *Лекции по общей психологии*. Изд. дом «Питер», 2004, с. 38.

¹⁵ Морозов С.В. *Объемный подход к рассмотрению моделей Солнечной системы*. Реальность и субъект, 2001, том 5, № 4, с. 49–54. В: https://www.google.com/search?source=hp&ei=swkFW8anOcL3UL_ru KgM&q (май 2018).

«У древних славян белый свет рождается из тьмы. Во тьме изначально был лишь Род – прародитель, Отец богов. Он рождает царство небесное, а под ним – поднебесное. Пуповина разрезается радугой... происходит отделение Океана-моря от небесных вод каменной твердью; в небесах воздвигается три свода, свет отделяется от тьмы, правда – от кривды. Род родил затем Землю, но она ушла в бездну и схоронилась в Океане. Затем рождаются Солнце, месяц, звезды; Зори, Ночи, ветры; дожди, снег, град, гром с молнией. Это все части тела Рода. Далее рождены небеса, вся поднебесная. Род – отец и мать богов, он рожден собой и родится вновь. Он – все боги и вся поднебесная, то, что было, и то, что будет, то, что родилось, и то, что родится. Иначе говоря, Род – это прошлое, настоящее, будущее, которые одновременны».

И еще одно описание: «В Древнем Китае считали, что Земля – это плоский прямоугольник. Над ним на столбах расположено круглое небо. Озлобленный дракон согнул центральный столб, Земля наклонилась на восток, поэтому все реки в Китае текут на восток. А небо наклонилось в противоположную сторону, поэтому все светила движутся с востока на запад. Китайцы считали, что каждый день восходит новое Солнце, поэтому День и Солнце обозначены одним иероглифом. Уже значительно позже, на рубеже нашей эры, возник иной миф. Много лет назад небо и земля были слиты воедино, это нечто (вроде яйца) раскололось через 18000 лет на светлую (небо) и темную (земля) половины. Внутри яйца был Паньгу – человек небольшого роста, одетый в медвежью шкуру. На голове два рога. В одной руке он держал молот, а в другой – долото. С их помощью он 18000 лет в хаосе отделял небо от земли; создал Солнце, Луну, звезды. Паньгу – творец вселенной. Он порожден хаосом и извлечен оттуда силами ян и инь...».

Пожалуй, хватит. Мои цитаты касаются мифологического восприятия мира, свойственного любому народу, находящемуся на начальной стадии познания окружающей действительности. Впоследствии такого рода действительность получила наименование *онтологической реальности* – от греческих слов *ontos* (сущее, существующее) + *logos* (понятие, учение). Как я писал выше, по Огюсту Конт, который считается основоположником современной социологии, мифологическое мышление было всеобщей первой ступенькой при возникновении человеческого знания. Оно, разумеется, относится к донаучной стадии развития духовной сферы нашего бытия. Важно отметить, что неразвитое сознание все же ориентировалось на некоторые важные детали, взятые из реальной жизни, – на природу того места, где обитал тот или иной народ, на видимое Солнце, Луну, звезды, на их передвижения в пространстве и на некоторые замеченные и характерные для них свойства. Реальные предметы и события требовали объяснений от взыскующего человеческого ума, что и происходило у каждого народа, хотя сами объяснения оказывались плодом богатой человеческой фантазии и были механистически перенесены с известного материала на неизвестный.

По мнению того же Огюста Конта человеческое сознание в своем развитии прошло три последовательные стадии. «Исследуя ход развития человеческого ума в различных областях, Конт вывел закон трех стадий его развития, или трех различных теоретических состояний: теологического, метафизического и позитивного. Это значит, что человеческий разум в силу своей природы пользуется сначала теологическим (религиозным) мышлением, где открыто господствуют спонтанно возникающие функции, не имеющие доказательств. Затем метафизическим (философским, абстрактно-теоретическим) мышлением, с привычным преобладанием абстракций или сущностей, принимаемых за реальность. И, наконец, позитивным (научным) методом мышления. Каждое из этих трех состояний образует основу всей социальной организации и пронизывает все стороны общественной жизни. По мнению Конта, от общего состояния человеческого знания зависит и состояние техники, ремесел, промышленности и т. п.

Закон трех стадий исторического развития одновременно является и законом развития всего человечества».¹⁶

Древнегреческая философия в лице ее самых выдающихся представителей представляет собой типичный образчик второй стадии Огюста Конта – метафизической, когда онтологическая реальность была представлена гораздо богаче и разнообразней, чем на стадии мифологической. Она предстает не только более обоснованной, но и предлагаемой для широкого обсуждения с возможными несовпадающими итогами. Здесь уже нет единого обязательного восприятия исследуемых явлений, как на теологической стадии; они, соответственно, подаются как проблемы, а не как материя, не подлежащая обсуждению, с единственным – ортодоксальным и категорическим – выводом.

На этой стадии развития человеческого сознания уже можно было обсуждать идею и высказывать по ее поводу различные взгляды, но аргументация оставалась примитивной, заимствованной из обычного жизненного опыта, а не из имманентных свойств исследуемого материала. Я уже приводил пример подобной аргументации у Демокрита при выделении самой малой и дальше неделимой материальной частицы – атома: делите и делите, пока дальше не сможете это делать физически. Примерно таков и ход рассуждений у Эпикура при рассмотрении теории платоновских идей. Он соглашался с тем, что общие идеи существуют (многие с этим были несогласны), но говорил, что они находятся не в Гиперурии, где-то над небесами, как утверждал Платон. «Все предметы существуют как бы двояко: сами по себе, первично, и вторично – в качестве постоянно истекающих от них тончайших вещественных образов, “идолов”. Эти “идолы” существуют так же объективно, как и сами испускающие их вещи»¹⁷. Здесь мы опять же наблюдаем механистический подход: все происходит просто по примеру естественных и наблюдаемых процессов.

«Идея общности с другими подобными предметами и явлениями невидимо присутствует в каждом индивидуальном воплощении», – говорил Эпикур. И когда человек видит одиночный экземпляр, эта идея невидимым образом перелетает к нему в мысли. То есть, она существует в материальном воплощении, и в таком виде перебирается в наш мозг. Этаким наивный материализм, бывший характерным для всей древнегреческой философии. То же самое у Платона: реальные общие идеи ждут нашу душу, которая после смерти человека летает на просторе и посещает Гиперурию, где и знакомится с идеями, общими для целого класса предметов. Это уже идеализм, но с той же примитивной начинкой. Ничего удивительного в этом не было; греки знали еще очень мало и объясняли, опираясь на то, что им было известно, и за чем они наблюдали постоянно. Тем не менее, это был решающий шаг в продвижении от мифологической (религиозной) эпохи, но, конечно же, еще очень далекий от нынешних научных рассуждений, когда не только проблемы высвечиваются по-новому, но и подход к их разрешению построен на данных, получаемых из научного анализа, а не из умозрительных спекуляций.

Удивительно другое: человечество, давно усвоившее научные подходы к любой возникшей проблеме, до сего времени пользуется в философии параметрами обсуждения научных проблем, установленными еще древними греками. По-моему, это только вредит делу. Ведь мы уже давно перешли в своих научных изысканиях на совершенно иные стандарты. Начиная с Роджера Бэкона, Галилео Галилея и многих других, человечество постоянно пытается построить общую продвинутую *научную парадигму*,

¹⁶ В: <http://www.newsocio.ru/nspgs-539-1.html> (май 2018).

¹⁷ Чанышев А.Н. *Курс лекций по древней и средневековой философии*. Москва, «Высшая школа», 1991, с. 83.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.